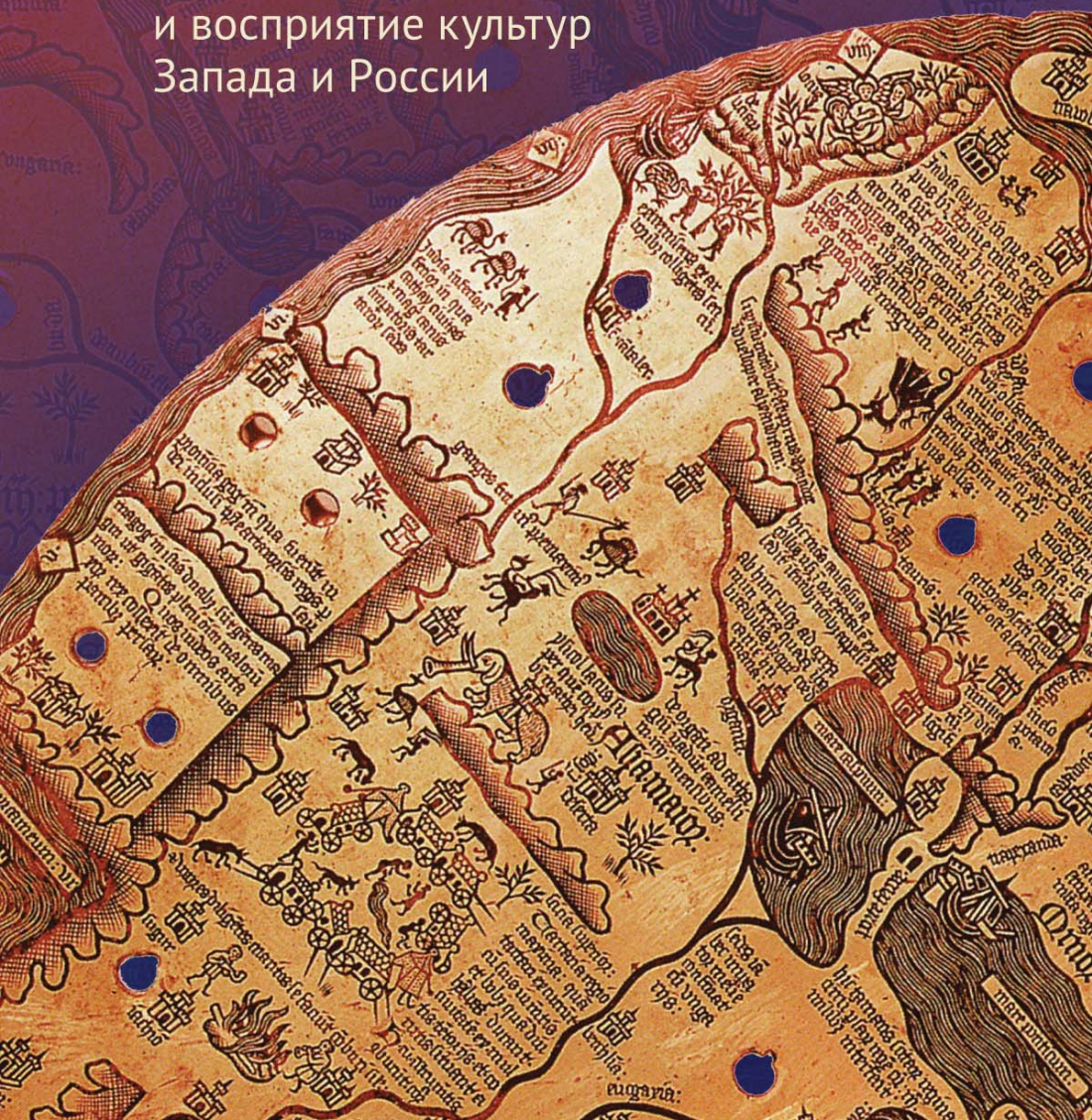

«СВОИ» И «ДРУГИЕ»

Взаимодействие
и восприятие культур
Запада и России

УДК 327
ББК 66.4
С 253

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *В. А. Антонов*,
кандидат исторических наук *М. В. Жолудов*,
кандидат исторических наук *М. В. Кузьмина* (отв. секретарь),
доктор исторических наук, профессор *Т. Л. Лабутина*,
кандидат исторических наук *А. Б. Ларин*,
доктор исторических наук, профессор *А. А. Орлов*,
доктор исторических наук, профессор *Е. Ю. Сергеев*,
кандидат исторических наук *Ю. И. Царева*

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор *Т. Л. Лабутина*

Рецензенты:

доктор исторических наук *М. П. Айзенштат*
доктор исторических наук *И. Ю. Смирнова*

С 253 «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур
Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова)
/ отв. ред. Т. Л. Лабутина. – СПб.: Алетейя, 2020. – 468 с.

ISBN 978-5-00165-177-2

Кто такие «Свои»? «Другие»? «Чужие»? Почему сограждан мы, как правило, причисляем к «Своим», а иностранцев, по преимуществу, к «Другим» или даже «Чужим»? Насколько объективны наши оценки представителей другой культуры? Почему иностранцы нередко воспринимали жителей России как «нецивилизованных варваров»? Сохранились ли подобные стереотипы сегодня? Об этом и многом другом читатель узнает из предлагаемой монографии, в которой представлены концепции ведущих отечественных и зарубежных ученых, исследующих кросс-культурные коммуникации стран Запада и России. Длительный хронологический период (от Средних веков до современности) позволит проследить динамику взаимовосприятия и взаимодействия культур во времени и пространстве и осознать это как сложное историческое явление.

Для историков, культурологов, преподавателей и студентов гуманитарных вузов.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-00165-177-2

9 785001 651772

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поздравления юбиляру

Настоящий труд авторы посвящают 90-летию выдающегося российского ученого, который своими фундаментальными трудами внес огромный вклад в отечественную и мировую науку — Виктора Леонидовича Малькова. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной Премии СССР, член Академии политических наук США, академик Российской академии естественных наук (РАЕН), профессор В.Л. Мальков широко известен в России и за рубежом многочисленными работами (свыше 300) по истории США, истории мировых войн, международных отношений, дипломатии, ядерных вооружений. Особую ценность представляют его труды, посвященные теории и методологии исторического познания. Быть может, именно благодаря этим работам, а также личным беседам ученого с сотрудниками Отдела историко-теоретических проблем Института всеобщей истории РАН, который на протяжении многих лет возглавлял Виктор Леонидович, зарождался и поддерживался научный интерес к проблематике, связанной с методологией истории. Среди тех, кому посчастливилось бок о бок трудиться с Виктором Леонидовичем, оказались и ряд авторов предлагаемого издания. Все они искренне благодарны судьбе за ту научную школу, которую прошли под руководством Виктора Леонидовича, а также его активную поддержку при исследовании новых сложных тем. Глубокая эрудиция, искренний интерес к работам, как начинающих, так и сложившихся ученых, интеллигентность и тактичность в обращении с коллегами всегда сочетались у Виктора Леонидовича с принципиальностью в оценках и преданностью идеалам науки. Для многих из коллег Вик-

тор Леонидович Мальков был и остается примером, каким должен быть настоящий ученый.

Авторский коллектив поздравляет Виктора Леонидовича Малькова с юбилеем и искренне желает ему крепкого здоровья, бодрости духа и активного долголетия!

*К юбилею
Виктора Леонидовича Малькова*

2 ноября 2020 г. исполняется 90 лет выдающемуся отечественному историку-американисту, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, лауреату Государственной премии СССР, главному научному сотруднику Института всеобщей истории РАН, доктору исторических наук, профессору Виктору Леонидовичу Малькову.

Виктор Леонидович родился 2 ноября 1930 г. в Москве. В 1953 г. окончил исторический факультет МГИМО, пройдя школу замечательных ученых и педагогов — Е.В. Тарле, Л.И. Зубока, Л. А. Никифорова. Его курсовыми работами руководил А. Я. Грунт, дипломной, посвященной политике США в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, — Ю. А. Писарев. В дальнейшем творческие пути учителя и ученика переплелись самым тесным образом. В том же 1953 г. В.Л. Мальков поступил в аспирантуру Института истории АН СССР, с которым неразрывно связана вся его последующая научная деятельность.

В 1956 г. после окончания аспирантуры В.Л. Мальков защитил кандидатскую диссертацию по теме «Подъем рабочего движения в США в годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.» и начал работать младшим научным сотрудником в секторе истории США. Так что уже в течение 67 лет его научная деятельность неразрывно связана с Академией наук: сначала с Институтом истории АН СССР, а после его разделения в 1968 г. — с Институтом всеобщей истории АН СССР (ныне ИВИ РАН). В 1960-х годах Виктор Леонидович был ученым секретарем Научного совета при Президиуме АН СССР по истории международного рабочего и национально-

освободительного движения, работал в секторе методологии истории Института истории АН СССР во главе с М. Я. Геллером, работал бок о бок с замечательной плеядой исследователей — А. А. Губером, С. А. Шмидтом, Я. С. Драбкиным, М.А. Баргом, Б. Ф. Поршневым, Л. В. Даниловой и др., затем в секторе истории США и Канады ИВИ АН СССР. В 1972 г. защитил докторскую диссертацию по теме «“Новый курс” в США. Социальные движения и социальная политика новейшего капитализма», позднее возглавлял сектор истории США и сектор историко-теоретических проблем Института всеобщей истории (впоследствии Отдел историко-теоретических исследований ИВИ РАН), ныне является главным научным сотрудником Центра по изучению “холодной войны” в Отделе истории XX века ИВИ РАН. В 1990–2000-е годы В.Л. Мальков возглавлял российскую Ассоциацию историков Первой мировой войны.

Сфера научных интересов Виктора Леонидовича весьма обширна; он внес значительный вклад в разработку целого ряда теоретических проблем современной истории XX в. Основными направлениями его исследовательской деятельности являются историография, методология и теория истории, история международного рабочего движения, социально-политическая и экономическая история США в XX в., история международных отношений в новейшее время, в частности, история Первой мировой войны, история “холодной войны”, история ядерных проектов и атомной дипломатии США. В.Л. Мальков выступил в качестве новатора и инициатора изучения целого ряда проблем, например, дипломатической истории мировых войн и “холодной войны”.

Особо следует отметить вклад В. Л. Малькова в утверждение новых концептуальных подходов к изучению советско-американских отношений накануне и в годы Второй мировой войны, генезиса “холодной войны”, проблематики, связанной с появлением атомного оружия. Результаты исследовательской работы юбиляра нашли отражение в более чем 350 его публикациях на русском и иностранных языках, в том числе многих монографиях, наиболее известные из которых: «Рабочее движение в США в период мирового экономическо-

го кризиса 1929–1933 гг.» (М., 1961), «Америка на перепутье» (М., 1967 в соавторстве с Д. Г. Наджафовым), «“Новый курс” в США. Социальные движения и социальная политика новейшего капитализма» (М., 1973), «Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии» (М., 1988), «Манхэттенский проект. Разведка и дипломатия» (М., 1995), «Путь к имперству. Америка в первой половине XX века» (М., 2004), «Россия и США в XX веке. Очерки истории международных отношений и дипломатии в социокультурном контексте» (М., 2009), «Великий Рузвельт» (М., 2012), «Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия: от начала к паритету» (М., 2018) и др. Характерной особенностью трудов Малькова, наряду со скрупулезным анализом источников, теоретической проработкой проблемы, является очень хороший литературный язык, художественность и живость повествования, что позволяет читателю легко усваивать материал даже весьма объемных монографий, вышедших из-под пера Виктора Леонидовича. Все эти труды отличают широкий историко-философский контекст, постоянный поиск и вовлечение в научный оборот неизученных первоисточников. Они сыграли существенную роль в преодолении идеологической ортодоксии в отечественной историографии и утверждении таких перспективных научных методов исторической реконструкции, как компаративизм, количественные методы, кросс-культурный анализ и др. По сей день многие из них сохраняют свое значение как фундаментальные, новаторские исследования.

Помимо индивидуальных работ В. Л. Мальков выступил в роли редактора, руководителя и автора целого ряда важнейших коллективных трудов, таких как «Очерки новой и новейшей истории США» в 2-х томах; «Международное рабочее движение. Вопросы теории и истории» в 6-ти томах (М., 1981); «История США» в 4-х томах (М., 1983–1987), «Современная немарксистская историография. Критический анализ» (М., 1989); «Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях» (М., 1992), «Первая мировая война. Пролог XX века» (М., 1998), «Переходные эпохи в социальном измерении.

История и современность» (М., 2002), «Мировые войны XX века» в 4-х кн. (М., 2005), «Война и общество в XX веке» (М., 2008) и др. В течение многих лет он является членом редколлегии ряда научных периодических и продолжающихся изданий, в том числе, «Американского ежегодника» и журнала «Россия XXI век».

Кроме исследовательской деятельности важную роль в работе В. Л. Малькова всегда занимало преподавание: подготовка и переподготовка научных кадров. Он многие годы читал лекции студентам ряда московских вузов (МГУ, МГИМО, Института молодежи, Московского педагогического университета, Международного славянского университета), в течение длительного времени работал в Институте повышения квалификации и переподготовки кадров МГУ им. М. В. Ломоносова, под его научным руководством было подготовлено немало кандидатов и докторов наук, работающих в различных учебных заведениях Москвы и России, развивающих новые направления в науке. Передача огромного, накопленного за годы работы опыта, никогда не ограничивалась для Виктора Леонидовича формальными рамками преподавания и научного руководства: коллеги, особенно молодежь, всегда могут получить от него ценный совет по интересующим их вопросам как теоретического, так и конкретно-исторического характера. Во многих школьных и вузовских учебниках, энциклопедических изданиях можно найти разделы и статьи, принадлежащие перу В. Л. Малькова.

Научные достижения В.Л. Малькова, его организаторские способности и трудолюбие снискали ему глубокое уважение научной общественности, а исключительные душевные качества — мягкость и отзывчивость, интеллигентность,

особый, отличающий именно его, такт, чувство умора и непринужденность в общении — обусловили симпатию и привязанность коллег.

Научные заслуги Виктора Леонидовича получили широкое признание как у нас в стране, так и за рубежом. В 1974 г. он был удостоен Государственной премии СССР за участие в создании коллективного труда «Новейшая история рабочего движения США» (в 3-х т.). Его работы опубликованы в США, Англии, Франции, Австрии, Польше, Чехословакии, Болгарии. В. Л. Мальков многие годы был членом Комиссии по истории международных отношений при Международном комитете исторических наук, он участник многих международных форумов историков. В. Л. Мальков академик РАЕН.

В. Л. Мальков — давний и постоянный автор журнала «Новая и новейшая история», на страницах которого он не раз знакомил научную общественность с результатами своих исследований. На протяжении многих десятилетий его публикации в журнале вызвали огромный интерес научной общественности и читателей, отмечавших великолепный язык, профессионализм и принципиальность автора. Сотрудники редакции журнала помнят многочисленные отзывы читателей на его замечательные статьи, публикации и документальные очерки. Статьи и материалы В. Л. Малькова неизменно вызывают пристальное внимание читателей.

В.Л. Мальков продолжает принимать деятельное участие в российских, международных конференциях и других научных мероприятиях, дает интервью и выступает с комментариями для средств массовой информации, активно занимается научной экспертизой.

Коллеги и друзья Виктора Леонидовича Малькова, а также коллектив журнала «Новая и новейшая история» сердечно поздравляют его с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов!

В.Я. Головин

ВВЕДЕНИЕ

Книга, которую читатель держит в руках, является своеобразным продолжением коллективной монографии «"Свой"/"Чужой" в кросс-культурных коммуникациях Запада и России»¹. Большинство её авторов, объединенных научными интересами в изучении проблем, связанных с исторической имагологией, выступили с докладами на «Международном научном гуманитарном форуме: от знания к действию», проходившим 3–4 декабря 2019 г. в г. Москве. На основе этих докладов были подготовлены статьи, которые и легли в основу представленного труда.

Актуальность проблематики, к которой обращаются авторы монографии, очевидна. Историческая имагология принадлежит к числу новейших направлений в гуманитарных исследованиях, и этим объясняется недостаток методических разработок, неоднозначность и противоречивость формулировок, применяемых к вводимым в научный оборот понятиям.

Как правило, темой взаимоотношения стран Запада и России занимались учёные, изучавшие историю международных отношений. Возникновение междисциплинарного направления в науке (имагологии) позволило раскрыть новые нюансы в изучении истории различных контактов представителей западной и российской цивилизаций. Западные учёные XX столетия (Э.Симмонс, Э.Кросс, Р.К. Масси, Р. Уортман, М. Андерсон, Д.Фоглесонг, Дж. Геэддис, Н.Томсон, Ж.Нуарбель, Э.Мартино, М.Дюшень, Е.Гусева), а также российские ученые XIX–XX вв. (В.О. Ключевский, Л.А. Никифоров, Ю.Д. Левин, Н.А. Ерофеев, И.И. Любименко, В.Костиков и др.) изучали отдельные проблемы истории взаимоотноше-

¹ «Свой»/ «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России/ Под ред. Т.Л. Лабутиной. СПб., Алетейя, 2019.

ний западных стран с Россией, однако не предпринимали попыток взглянуть на причины, побуждавшие эти государства вступать в диалог с Россией либо противостоять ей.

Авторы коллективного труда задавались целью выявить схожие черты и различия в формировании культурных стереотипов индивидов и социумов в странах Запада и России как основы их диалога и/или противостояния. Они попытались также вычлениить особенности восприятия России представителями западных стран, определить, каким образом и почему у представителей Запада на протяжении веков формировался негативный образ России, нередко отождествляемый с «русским варварством».

Научная новизна исследований авторов монографии состоит в попытке связать изучение основных цивилизационных параметров с материалом конкретных исторических источников, продемонстрировать, что понятие цивилизации не сводится исключительно к понятию культуры, но включает также социально-экономические и политические аспекты в развитии пространственно-временных ареалов. На обширном историческом материале авторы предприняли попытки проанализировать динамику развития взаимоотношений стран, принадлежащих к различным цивилизациям, выявить причины, приводившие к диалогу и/или противостоянию.

Предлагаемая монография имеет прикладной характер, поскольку результаты проделанного исследования позволят дополнить материал и предложить новые концепции при изучении истории международных отношений, истории дипломатии, истории России и всеобщей истории, методологии истории в научной и педагогической литературе, которая найдёт свое применение в учебном процессе.

В работе над монографией принимали участие сотрудники Института всеобщей истории и Института российской истории РАН, преподаватели вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Рязани, Коломны, Череповца, Орла, Владимира, Липецка, а также ученые из ближнего (Армения, Белоруссия) и дальнего (ФРГ, Франция) зарубежья.

Открывают монографию главы, посвященные теоретическим и историографическим сюжетам, связанным с исследованиями исторической имагологии. В главе ученого из ФРГ, доктора философских наук А.Буллера исследуются как причины, так и условия эволюции образа «Другого» / «Чужого» в образ «Врага». Как считает автор, в основе этого эволюционного процесса лежит акт радикальной переоценки моральных ценностей, который неизбежно приводит к последовательному отказу от универсальных принципов человеческой морали. Подобная «переоценка ценностей» произошла в истории XX столетия, как в морали национал-социализма, так и в этике большевизма. Две эти абсолютно различные и несовместимые системы взглядов объединяет друг с другом тот момент, что они являются формами проявления не универсальной, а партикулярной (групповой) морали. Групповая мораль может выражать себя в более или менее агрессивной форме, но в какой бы форме она себя не проявляла, она всегда разграничивает людей, выделяя и исключая из человеческого сообщества враждебные социальные группы и слои, трансформируя «Другого» во враждебного «Чужого». Подобная трансформация происходит, как правило, в кризисных исторических ситуациях, в которых «Чужой» становится объектом преследования, дискриминации и даже ликвидации, т.е. «Врагом». В этой стремительной и трагичной динамике эволюции образа «Чужого» в образ «Врага», приходит к заключению автор, проявляет себя тесная взаимосвязь между социальными, этическими, мировоззренческими и идеологическими факторами, которую историк не может и не должен оставить вне своего внимания.

В главе, посвященной дискуссионным проблемам в изучении кросс-культурной коммуникации, профессор Т.Л. Лабутина обращается к освещению концепций западных и отечественных учёных, изучавших имагологию. Анализ новейших работ позволяет, на её взгляд, заключить, что в большинстве своём их авторы сумели вскрыть основные механизмы возникновения и формирования этнических стереотипов, национального характера, а также деления образов на «Своих»/

«Других»/ «Чужих». Что же касается теоретических и методологических проблем имагологии, то здесь усилия отечественных учёных значительно скромнее, нежели у их зарубежных коллег. Автор, полагает, что они, как правило, идут в фарватере у западных исследователей, либо предлагают недостаточно обоснованные и убедительные концепции. В этой связи остаются всё еще нерешёнными или дискуссионными проблемы, связанные с понятийным аппаратом, типологией, периодизацией имагологии, трансформацией образа «Чужого» в образ «Врага», а также ксенофобией в межкультурных отношениях. Недостаточно работ, иллюстрирующих на конкретных исторических примерах концептуальные положения теоретических разработок. Вышесказанное убеждает автора в том, что в изучении данной темы ещё рано ставить точку.

В главе доктора исторических наук В.А. Антонова исследуется проблема становления понятий о пределах Русской земли, или России, в Западной Европе и России в X–XV веках. Автор приходит к выводу, что понятия иноземцев о пределах России утвердились раньше, чем во владениях князей русских. И только к концу XIII века те и другие понятия о пределах Русской земли вполне стали совпадать.

В своей главе кандидат исторических наук М.В. Кузьмина пытается рассмотреть проблему различий в исповедальной практике на Западе (Франция) и на Руси в XIV–XV вв., отталкиваясь от идеи, предложенной психологической наукой, согласно которой в зависимости от социо-культурных условий у разных народов превалирует тот или иной стиль мышления — аналитический или холистический, который, в свою очередь, определяет поведение, принятие решений и стиль жизни людей. На Западе «народная религиозность», включавшая языческие традиции и другие верования, постепенно утратила большую часть языческих черт. На Руси же сложилась своеобразная ситуация, которая определяется специалистами как «двоеверие» или даже «троеверие», что нашло своё отражение и в практике исповеди. Попытка постановки автором статьи вопроса о том, что специфика исповедальной практики на Западе и на Руси обусловлена, в том числе, и особенностями разных типов мышления, характерными

для представителей двух общностей в рамках одной христианской цивилизации, помогает понять и объяснить (хотя бы отчасти) различия и сходства в картинах мира западного человека и русского христианина в этот период Средневековья. Выбор исторического отрезка продиктован несколькими причинами: русские исповедальные тексты появились только в XIV в., а для Франции конца XIV в. уже можно проследить, как практика исповеди получила отражение в частных нарративных документах, в которых способ осознания действительности (стиль мышления) вполне прослеживается.

Ряд глав посвящён истории культурных контактов стран Европы и России в XVIII веке. Профессор С.Е. Киясов рассматривает события начального этапа истории регулярного масонского движения в Европе и России. Появление и эволюция структур «вольных каменщиков» на территории Российской империи, отмечает он, может быть охарактеризовано в качестве модного подражания. Наиболее важными для анализа стали процессы взаимовлияния и культурного обмена, происходивших в ходе контактов масонских лож Пруссии и России. Опираясь на широкий круг источников и тематической литературы, автор осуществляет свой экскурс на базе междисциплинарных научных методов.

Глава кандидата исторических наук М.А. Ковалёва посвящена изучению сочинений трёх британских путешественников, посетивших Санкт-Петербург в период правления императрицы Анны Иоанновны: баронета Фрэнсиса Дэшвуда, шотландского врача Джона Кука и гувернантки Элизабет Джастис. Они занимали различное социальное положение и прибыли в Россию с разными целями. В своих произведениях путешественники описывали внешний вид столицы, императорский двор, а также государственный строй России, её армию и флот, обычаи и нравы местного населения. Автор приходит к выводу о противоречивости взглядов британцев на Россию, которая в тот период для них чётко не соотносилась с образами «своего» или «чужого».

Бесспорный интерес вызывают главы, посвящённые представлениям о «других» российских публицистов XIX века. Так, профессор А.А. Орлов, анализируя взгляды И.А. Гончарова на

современное ему британское общество, задается вопросом, для чего и как известный российский писатель использовал британские образы в собственном творчестве? Почему он не мог без этого обойтись? Почему именно британские образы, а не образы каких-либо других, хорошо знакомых русским, европейских народов, были применены писателем для выявления важнейших черт характера русского человека, его достоинств и недостатков? Автор приходит к выводу: творчество Гончарова занимает положение важного связующего звена на пути осмысления британского опыта в русской классической литературе второй половины XIX в. Это осмысление началось с огромного интереса к способности британцев двигаться вперёд, сохраняя уникальное национальное лицо (Н.В. Гоголь). Процесс идейно завершился в сочинениях Л.Н. Толстого, где русским предлагалось самостоятельно вырабатывать пути национального развития. С точки зрения Толстого, рецепция некритически применяемого западного опыта неизбежно приведёт к тому, что русский перестанет быть русским. Гончарову не представляется опасным использование британских достижений во внешних связях, в колониальной борьбе, в процессе развития средств материального производства. Но у себя дома, на родине, следует, прежде всего, стать самостоятельным человеком (настоящим русским), пытаясь, насколько возможно, совместить в себе Обломова и Штольца, войти в русскую «партию действия», объединяющую множество людей, подобных положительному герою романа – Ивану Ивановичу Тушину.

Профессор В.М. Аванесян обратился к публицистике Н.Г. Чернышевского. Он обратил внимание на то, что российский писатель не раз обращался в своих статьях к деятельности известных политических деятелей Европы и США, анализируя их политику. Особое место автор уделит освещению деятельности Луи-Наполеона, вначале в качестве президента, а затем — императора Франции, в труде Чернышевского. В центре внимания писателя оказались события государственного переворота и реакция на него французского общества, январская конституция 1852 г., репрессии против политических деятелей, которые не приняли переворот, создание авторитарной империи, ограничение свобод и гражданских

прав. Режим Наполеона III не соответствовал мировоззрению революционного демократа. Исходя из этого, Н.Г. Чернышевский критически оценил деятельность императора Франции.

Ряд глав посвящён изучению взаимодействия европейской и русской дипломатии в XIX веке. В главе кандидата исторических наук М.В. Жолудова «Великобритания и Россия: Особенности дипломатической истории накануне Крымской войны» анализируются особенности развития дипломатического противостояния двух стран в середине XIX в. Геополитические противоречия между ними в Восточном вопросе, как подчеркивает автор, выразились в ужесточении профессиональной риторики в высказываниях представителей дипломатических кругов России и Великобритании. Особое внимание М.В. Жолудов уделяет анализу дипломатического языка выдающегося представителя британского дипломатического сообщества — лорда Пальмерстона. Автор подмечает тот факт, что высказывания Пальмерстона отличалась интенсивной антирусской окраской, что явно не способствовало мирному урегулированию англо-российских геополитических проблем. Он приходит к выводу о том, что личная позиция британского дипломата сыграла серьезную роль в развязывании Крымской войны.

Глава профессора Т.Н. Гелла посвящена проблемам формирования образа Российской империи в английском обществе в 70-х годах XIX века. На примере анализа выступлений депутатов от правящей Консервативной партии и либеральной оппозиции в британском парламенте по вопросам Восточного кризиса второй половины 70-х годов, русско-турецкой войны 1877–1878 годов и её итогам автор рассматривает факторы, влиявшие на формирование образа России в общественном мнении Великобритании. Она приходит к выводу о неоднозначности, несмотря на преобладание русофобских настроений в британском обществе, восприятия англичанами образа России в рассматриваемый период.

В главе кандидата исторических наук Л.А. Ивкиной рассматривается позиция России по поводу войны за независимость на Кубе (1868–1878) и испано-американских отношений в указанный период. Тон донесений русских дипломатов из

Испании и США, утверждает автор, определялся политикой нейтралитета и невмешательства, характерных для внешне-политического курса России в отношении Испании после восцарения Александра II на русском престоле в 1855 г. Основное внимание российская дипломатия уделяла испано-американским отношениям и кубинской политике США в рассматриваемый период.

Глава кандидата исторических наук А.Б. Ларина посвящена восприятию российскими авторами середины XIX — начала XX в. русских и англичан в среде иранцев. Автор рассматривает вопросы взаимодействия представителей обеих европейских империй с местным населением, поведенческие модели, подходы и методы, используемые ими для решения собственных задач. Российские современники, подчеркивает он, отмечали различные особенности взаимодействия британцев с иранцами, оценивая методы и подходы соперников, как с позиции эффективности в смысле достижения поставленных целей, так и с морально-этических позиций. При этом, несмотря на отмечаемые отличия подходов конкурентов к взаимодействиям с местным населением, сквозным мотивом, проходящим через все тексты такого рода, являлась идея о цивилизационном единстве русских и англичан как представителей Европы в Иране.

В главе кандидата исторических наук О.И. Галкиной, посвящённой формированию образа царя Николая II на страницах британских периодических изданий, отмечается, что этот образ не был статичным. Если в самом начале правления самодержца преобладали определения «арбитр»/ «храни-тель»/ «гарант мира», то после созыва Гаагской конференции доминирующим стало выражение «миротворец». События русско-японской войны и начального этапа Русской революции 1905 года обусловили появление новых стереотипов: «Николай Кровавый»/ «Николай Последний». Впоследствии они станут преобладающими на страницах социалистической и лейбористской прессы. Подписание Октябрьского манифеста, дававшего надежды на трансформацию института российского самодержавия в конституционную монархию по английскому образцу и последовавшее внешнеполитиче-

ское сближение России и Великобритании, на взгляд автора, способствовало очередному изменению тональности оценок, проявившееся в возвращении прежней терминологии.

Ряд глав посвящен истории межкультурных отношений Запада и России в XX веке. Открывает раздел глава профессора И.Р. Чикаловой о восприятии образов англичан и немцев в годы Первой мировой войны. До начала войны в российском общественном сознании, утверждает автор, отчетливо проявлялись как англофобские, так и англофильские настроения. Что касается Германии и немцев, то вплоть до развязывания боевых действий в России были достаточно сильны германофильские настроения. В среде российских интеллектуалов немец ассоциировался с образом носителя высоких идеалов культуры. В ходе войны образ Англии и англичан усилиями политиков и деятелей культуры, писателей и журналистов конструировался как соратника, сподвижника, самоотверженного и благородного солдата — «мы связаны с ними узами крови». Англичане стали, хотя и «Иными», но «Своими». Одновременно образ немца эволюционировал радикально. Он — «Враг» — стал наглым, проникся высокомерием, верою в немецкий гений и в звезду Германии, он сделался жесток, немец «возомнил себя царем мира», окончательно превратился в циничного «варвара XX века».

Глава доктора исторических наук В.П. Казакова посвящена анализу оценок революций в России аргентинскими дипломатами. Рассматривая донесения послов, автор обращает внимание на особый интерес, который они проявляли к причинам революций 1905–1907 гг., Февральской и Октябрьской 1917 г., рассмотрению ключевых событий, которые, по их мнению, оказали влияние на революционный процесс, их отношению к русским политическим деятелям, в особенности к В.И. Ленину, а также их общая оценка революций.

В главе доктора исторических наук А.С. Соколова анализируется деятельность норвежского ученого и филантропа Ф. Нансена по оказанию помощи населению России в первые годы НЭПа. Особое внимание обращается на оценку Нансеном финансово-экономической политики большевиков, освещенной в европейской прессе.

Основываясь на ранее недоступных исследователям архивных материалах и применяя методiku сравнительного имагологического анализа, профессор Е.Ю. Сергеев реконструирует начальный этап отношений РСФСР и Соединенного Королевства Великобритании сквозь призму восприятия британской властной элитой советского руководства в 1918–1920 гг. Автор показывает, какие факторы воздействовали на этот процесс, а также анализирует постепенную трансформацию представлений истеблишмента Великобритании о Советской России на конкретных примерах двусторонних контактов в политической и экономической сферах.

В главе кандидатов исторических наук Д.И. Портнягина и Н.А. Портнягиной рассматривается восприятие британскими дипломатами внешней и внутренней политики СССР в первые годы после Второй мировой войны. Их исследование основано на донесениях представителей посольства Великобритании в Советском Союзе. Авторы приходят к выводам о том, что послевоенный СССР воспринимался британскими дипломатами в рамках традиционной негативной парадигмы, которая сформировалась ещё в отношении царской России. В соответствии с ней Россия-СССР чужды Западу цивилизационно, идеологически и геополитически.

Целью главы кандидата исторических наук А.В. Голубева стал сравнительный анализ формирования и эволюции образа союзника накануне и в годы Первой и Второй мировых войн и в межвоенный период. При этом, как подчёркивает автор, речь идет не только о представлениях т.н. «образованного класса», но и о том образе союзника, который складывался у самых широких слоев населения. Объектом исследования стало массовое сознание всех основных социальных групп российского/советского общества, предметом исследования — образ союзника и его эволюция, происходящая на протяжении около полувека.

В своей главе профессор Б.В. Петелин задается вопросом, почему славянский мир сегодня находится в глубоком кризисе? Это проявляется не только в его разобщенности, в последствиях недавних и существующих внутренних конфликтах, но и фактическим отсутствием осознания этнического единства.

В то же время, это не значит, что исчезли и разрушились все связи. 26 мая 2017 г. в Москве состоялась встреча представителей славянских народов в честь 150-летия Славянского съезда 1867 года, к истории которого обращается автор. Он подчёркивает, что большинство делегатов съезда 1867 г. поддерживали сближение славянских народов на основе общей славянской идеологии — духовного панславизма. В выступлениях делегатов отмечалось, что каждый славянский народ должен беречь свой язык и литературу. Наибольшее единодушие было достигнуто в вопросе понимания термина «славянское единство». Большинство делегатов рассматривали его как духовный союз с опорой на Россию. Выработанные на этом съезде идеи помогли славянским народам Европы пережить испытания, которые выпали на их долю в последующие десятилетия, особенно в период мировых войн XX века. И всё же, заключает автор, «славянское единство» оказалось непрочным.

Завершают монографию главы двух авторов, которые в своих работах использовали нетрадиционные для историков методы исследования. Глава кандидата философских наук А.А. Линченко основана на результатах исследования особенностей автобиографической памяти и исторической идентичности русских немцев, проведённого в ФРГ весной 2018 года. Обосновывается мысль о важной роли миграционного контекста для современных исследований «Своего» / «Чужого» / «Другого» в культуре. Персональный опыт встречи с чужим в культуре актуализирует роль автобиографической памяти и может быть продуктивно осмыслен в рамках этического дискурса. Теоретическая позиция автора проявляется на примере одного из случаев автобиографической памяти и идентичности в среде русских немцев, переехавших в конце 80-х — начале 90-х годов в ФРГ. Избранный пример показал, что даже в среде старшего поколения русских немцев, наиболее ориентированного на советские ценности и культурные практики, возможны нетипичные конструкции идентичности, не противопоставляющие русское и советское немецкому, и не дифференцирующие окружение до и после переезда на «своих» и «чужих». Именно доминирование этических ценностей в структуре гибридной идентичности мигрантов

позволяет выстраивать гармоничные и неконфликтные формы восприятия оппозиции «Свой»/ «Чужой», превращая их в важную составляющую временной интеграции личности.

В работе французского учёного А. Гуге проанализированы 283 тестовых рисунка, сделанных немцами, французами и россиянами по просьбе автора с предложением быстро изобразить стереотипные черты не только «своего», но также и «чужого» общества. Анализируя эти рисунки, можно получить некоторые обобщённые результаты о том, какие ментальные представления существуют в сознании современного человека (немца, француза, россиянина) по поводу степени развития и дружелюбности / агрессивности соседних народов и их государств. При анализе рисунков, изображающих «своё» и «чужое» общество, автор выявил следующие закономерности: первые характеризуются, главным образом, присутствием пространственно-географических элементов, а вторые — национально-культурной символикой. На все рисунки значительно влияют конативные факторы (посещение страны или мероприятий её культурных институтов). Если они играют важную роль в жизни респондента на протяжении многих лет, образ «другой» страны на его рисунке становится в чём-то похож на образ «своей» страны. Таким образом, представление о «Другом» формируется не *противоположно* представлениям о «Своём», а *параллельно* ему.

Завершая свой труд, авторы выражают надежду, что он найдет своё признание, как среди специалистов, так и читателей, которых заинтересует инновационное направление в науке — историческая имагология.

Глава 1

«СВОЙ», «ДРУГОЙ», «ЧУЖОЙ»

В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Андреас Буллер

О вариациях в отношении между своим, другим и чужим

Свой анализ проблемы «Свой/Другой/Чужой» я начну с философских замечаний, ибо вышеназванные понятия являются основополагающими философскими категориями, которые описывают отношение «Я» к окружающему миру. «Я» осознаёт себя как «Я» лишь по отношению к *другому*, разграничивая себя от него или же, наоборот, идентифицируя себя с ним. Первым условием существования «Я», считает швейцарский философ *Эмиль Ангерн* (*Emil Angehrn*), является элементарное понимание того факта, что «мой мир» это не «только мой мир», ибо рядом со мной существуют также другие миры, которые *Ангерн* называет «центры»¹. И, действительно, любое «Я» образует своего рода «центр», от которого исходят многочисленные нити социальных связей и контактов. На основе этих связей окружающий мир наполняется образами *своих / других / чужих*. Отсюда следует, что понятия «Свой/Другой/Чужой» описывают прежде всего характер *моего* отношения к другому, который может вызывать у меня самые различные чувства. Игнорируя многочисленные оттенки в проявлении этих чувств, я поделю их на позитивные и негативные, т. е. с одной стороны, чувства любви, доверия и симпатии, а, с другой, чувства недоверия, презрения и враждебности. Мы обращаемся к этим чувствам, потому что «Свой» и «Чужой» являются продуктом человеческих чувств.

Чуждость, как правило, всегда ассоциируется с (не-) *принадлежностью*². Я беру частицу «не» в этом случае в скобки,

¹ Angehrn, Emil. Die Angst vor dem Fremden: zur Dialektik von Selbstsein und Andersheit. In: Fremd im Paradies: Migration und Rassismus. Basel 1994. S. 32. URL: https://edoc.unibas.ch/13143/1/BAU_1_005251850.pdf

² «Fremd ist, was nicht zu uns gehört». Ebd.

ибо «Чужой» и принадлежат, и не принадлежат своему обществу. Это парадокс, но для того, чтобы не принадлежать сообществу, необходимо в нём находиться! Ведь также *чуждость* проявляет себя в присутствии. По этой причине «Чужой», если им является отверженный, непризнанный или угнетённый, присутствуя, одновременно и отсутствует. *Мартин Райнер (Rainer Marten)* обозначает подобное состояние как «присутствующее отсутствие»³.

Но «Чужой», если он не представляет угрозы, вызывает чувство любопытства и интереса. Подобный интерес вызвали в немецком обществе военнопленные Первой мировой войны, состав которых в этническом отношении был довольно пёстрым. Речь шла о военнопленных Восточного фронта, среди которых находились представители отдалённых народов Российской империи, а также военнопленных Западного фронта, среди которых были выходцы из Африки и Индии. Но каким образом немецкое общество получило контакт к военнопленным солдатам, которые вызвали в нём искренний интерес и любопытство? Всё началось с того, что прусское военное министерство дало официальное разрешение фотографировать военнопленных, чтобы доказать, что в Германии они содержатся в приемлемых условиях. Эти фотографии военнопленных немедленно попали на страницы немецких газет и популярных журналов, а позже — книг и брошюр, продемонстрировав немецкому обществу невероятное этническое и культурное разнообразие «военнопленного мира», который просто поразил немецкого читателя⁴, пишет в своей статье «“Выставка народов” в лагере военнопленных» французский исследователь М. Scheer. Читатель увидел в фотографиях военнопленных уже не врагов, а представителей чуждых ему культур, некоторые из которых, надо сказать, находились не так уж и далеко от границ немецкого

³ Vgl. Marten, Rainer: Der Philosoph vor der Frage der Folter. Frankfurter Hefte 32 (1977), Heft 6, S. 17–24.

⁴ Scheer, Monique. „Völkerschau“ im Gefangenenerlager. Anthropologische ‚Feind‘-Bilder popularisierter Wissenschaft und Kriegspropaganda. In: Zwischen Krieg und Frieden. Die Konstruktion des Feindes. Eine deutsch-französische Tagung. Hg.: Joler, Reinhard / Raphaël, Freddy / Schlager, Claudia / Schmoll, Parik. Tübingen 2009. S. 71.

государства. Однако за этим интересом к экзотическим культурам скрывались не только простая любознательность, но и псевдонаучные, а также пропагандистские цели. Специализирующиеся на расовых теориях («Rasenkunde») антропологи и этнологи пытались на примере военнопленных выявить различия между человеческими расами⁵, а пропагандисты — использовать их в целях военной пропаганды, чтобы показать, как «нецивилизованные европейские враги» немецкой нации инструментализируют в своих политических и военных интересах «примитивные» и «варварские» народы⁶. При этом немецкие специалисты, исследуя «чужие» культуры и народы, вероятно, даже не задумывались о том, что не только военнопленные солдаты являлись «чужими» для немцев, но и немцы, без всякого сомнения, были для военнопленных «чужими». Для того, чтобы задуматься об этом, необходимо было заняться саморефлексией. Однако многие исследователи чаще всего «застревают» на уровне рефлексии, не достигая по этой причине уровня саморефлексии, которая одна в состоянии объяснить причины рождения как образа «Своего» или «Чужого», так и образа «Врага»⁷.

Рождение образа «Врага»

В самом начале своего анализа процесса возникновения образа «Врага», замечу, что речь здесь идёт не об *индивидуальном*, а *коллективном* враге, которым, как правило, становится определённая этническая или религиозная группа,

⁵ Scheer, Monique. „Völkerschau“ im Gefangenenlager. S. 74.

⁶ Scheer, Monique. „Völkerschau“ im Gefangenenlager. S. 107.

⁷ Понятие враг является сложным и динамичным понятием. В человеческой истории образы врага варьировались от племенного врага к врагу религиозному, национальному, расовому или классовому. В этом смысле вполне можно утверждать, что каждое общество и каждая эпоха рождает своих собственных врагов. Современное общество характеризует феномен т.н. «групповой враждебности», который стал объектом исследования специалистов немецкого университета Билефельд. Немецкие специалисты занялись изучением тех механизмов, которые порождают враждебность к различным меньшинствам. Результаты своих исследований они изложили здесь: <https://www.uni-bielefeld.de/ikg/projekte/GFE.html>

класс или социальный слой людей. Но необходимо подчеркнуть, что в основе процесса рождения образа «врага» лежат вовсе не этнические, религиозные и культурные различия (сами по себе они не представляют опасности), а искажённые моральные представления и необоснованные нравственные суждения. Я остановлюсь на этом моменте подробнее, ибо он указывает на тесную связь истории и морали.

В отличие от животного, человек является не только биологическим, но и нравственным существом. При этом, надо сказать, ни один биологический вид не уничтожал себе подобных в таком масштабе, в каком это на протяжении всей своей недолгой истории делал человек, которого не смогли остановить обоснованные им же самим фундаментальные нравственные принципы. Но о каких принципах здесь идёт речь? Речь идёт о действительно фундаментальных и основополагающих принципах человеческой нравственности. Вначале эти принципы были обоснованы в религиозной форме, о чём свидетельствует центральная идея христианской морали, которая исходила из того, что Бог сотворил «человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» [Бытие 1:27]. Сотворённое по божьему образу и подобию существо обладает безусловной ценностью, а в этике Канта оно ещё является и «целью самой по себе». И, хотя Кант освободил нравственность от религиозного содержания, он, тем не менее, в каком-то смысле продолжил традицию христианской морали, которая исходила из тезиса безусловной ценности каждой отдельной человеческой жизни. На базе этого тезиса Кант формулирует своё категорическое требование к человеку: «Handle so, dass du die Menschheit sowohl in deiner Person, als in der Person eines jeden anderen jederzeit zugleich als Zweck, niemals bloß als Mittel brauchst»⁸ [«действуй так, чтобы ты относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда [...] как к средству»].

⁸ «Handle so, dass du die Menschheit sowohl in deiner Person, als in der Person eines jeden anderen jederzeit zugleich als Zweck, niemals bloß als Mittel brauchst». Kant, Immanuel: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Hg. v. Th. Valentiner. Einl. v. H. Ebeling. Stuttgart 2004. S. 79.

Это требование легло в основу также этики сострадания, ключевой принцип которой сформулировал Шопенгауэр: «Verletze niemanden, vielmehr hilf allen, soweit du kannst»⁹ [«Не наноси никому вреда, а помогай всем, насколько можешь»].

Историки, однако, без труда могут доказать нам, что в реальной человеческой истории основополагающие требования человеческой морали довольно часто нарушались и не соблюдались. Причём их нарушение протекало, как правило, по одному и тому же сценарию, в котором универсальные нравственные принципы морали вытеснялись, заменялись и подменялись частными или партикулярными, как, например, национальными, классовыми и расовыми принципами. Подобная замена или, точнее, подмена принципов неизбежно вела к трансформации образа «Своего» или образа «Чужого» в образ «Врага», что я и хотел бы продемонстрировать на конкретных исторических фактах и примерах, в которых понятия «жертва» и «враг» настолько тесно переплелись друг с другом, что их просто было невозможно отделить друг от друга.

Исторические примеры

15 сентября 1915 года министр внутренних дел Турции паша Талаат высылает префекту Алеппо телеграмму следующего содержания: «[...] по приказу Джемиета (Иттиад-общество младотурок) правительство решило стереть с лица земли всех армян, проживающих в Турции [...] Не различая женщин, детей, больных и немощных, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами, не прислушиваясь к голосу совести, покончить с ними».¹⁰

Подобного рода телеграммы, распоряжения и приказы курсировали, надо сказать, в первой половине XX столетия

⁹ Schopenhauer, Arthur: Preisschrift über die Grundlage der Moral. In: Arthur Schopenhauer, Zürcher Ausgabe. Werke in zehn Bänden, Band VI: Kleine Schriften II: Die beiden Grundprobleme der Ethik, Zürich 1977, S. 143–317: S. 176f. (§ 6).

¹⁰ Цитата взята из электронной библиотеки Genocide.ru. URL: <http://old.genocide.ru/lib/telegrams/telegramms.htm> К сожалению, мы обладаем небольшим количеством письменных источников об этих событиях, ибо приказы и распоряжения отдавались тогда часто в устной форме.

не только в азиатском, но и в европейском пространстве. Что интересно, инициированы они были «сверху», ибо являлись частью государственной идеологии или же государственной политики, о чём свидетельствует организованный советской властью «красный террор» на Крымском полуострове 1921 и 1922 годов. Ведь сигналом для его организованного начала явился приказ №4 Крымского революционного комитета (Крымревком) от **17 ноября 1920 года**, который объявлял начало обязательной регистрации в трёхдневный срок всех лиц, прибывших на полуостров до установления советской власти. Этому, на первый взгляд, безобидному, распоряжению последовали беспримерные по своему масштабу кровавые события «красного террора», в ходе которых в течение нескольких месяцев были убиты не только белые офицеры, но и тысячи людей мирных профессий — бывшие чиновники, служащие, юристы и преподаватели, единственная вина которых заключалась в том, что они принадлежали к «враждебным классам»¹¹. Исследователь этих событий *Леонид Абраменко* замечает, что если в начале Гражданской войны «первейшим и главным врагом большевизма был вооружённый мужчина, который мог постоять за себя, за свою семью и попранную родину», то после её окончания, его жертвами стали становятся невооружённые люди. Из многочисленных расстрельных дел *Абраменко* выбрал в партийном архиве Киевского КГБ (Комитет государственной безопасности) лишь одно расстрельное дело на 287 человек. Это дело, впрочем, как и все остальные дела, было основано на анкетах, которые позволяли выявить социальный статус опрашиваемого. Не более того. Но именно социальный статус опрашиваемого использовался в этом случае как единственное и «законное» основание для принятия приговора революционного трибунала, который по отношению к вышеупомянутым 287 осуждённым гласил: «Принимая во внимание доказанность (sic) обвинения всех выше поименованных в количестве двухсот восьмидесяти семи человек как явных (sic) врагов трудового

¹¹ Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005. С.3. URL: <https://archive.org/details/Abramenko-PosledniayaObitel/page/n15>

народа и контрреволюционеров — расстрелять, имущество их конфисковать»¹².

Современному молодому человеку — студенту или школьнику — необходимо вначале разобраться с (не)простыми понятиями, которые упоминаются в этом приговоре революционного трибунала: «трудовой народ» и «враг трудового народа». Ему придётся задать вопросы — почему преподаватели, юристы, учёные и инженеры оказались «врагами трудового народа»? Разве их деятельность не являлась «трудом»? Почему один и тот же народ был разделён на «трудовой народ» и на «врагов трудового народа»? К этим вопросам мы ещё вернёмся, а сейчас я замечу, что крымские события стали, по выражению историков А.Г. и В.Г. Зарубиных, «заключительным аккордом гражданской войны», превратились в «пир победителей», а также в «помноженную на ненависть к „классово чуждым“ элементам мстью»¹³. Что интересно, в «красном терроре» статус врага принял вовсе не «Чужой», а «Свой», т.е. говорящий на том же языке и принадлежащий к той же культуре, что и его палачи, человек.

Трагедия XX столетия, как это уже указывалось выше, заключалась в том, что в нём процессы массового уничтожения людей приняли организованные формы. Высшей степени совершенства в этом деле достигли, несомненно, нацистские палачи, которые стремились стереть с лица земли целые народы. Их жертвами стали самые слабые и беззащитные люди — дети, женщины и старики. Несмотря на то, что трагические события немецкого фашизма довольно хорошо изучены, на один существенный вопрос мы до сих пор не можем найти ответа: каким образом и почему обычные люди — рабочие, крестьяне, чиновники и полицейские — стали убийцами и палачами? И современные исследователи не в состоянии объяснить тот факт, почему эти люди, имея возможность избежать преступление, тем не менее пошли

¹² Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. С. 7.

¹³ Зарубин, А.Г. / Зарубин, В.Г. Красный террор в Крыму. Концепция. // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура / Материалы республиканской научно-общественной конференции. / — Симферополь, март 1994. С.31–33.

на него. О такой ситуации и пойдёт речь в нашем следующем примере.

11 июля 1942 года командира 101 немецкого резервного полицейского батальона вермахта настигает распоряжение командования немедленно ликвидировать 1800 жителей еврейской деревни Jósefów. Причём уничтожению должны были быть подвергнуты самые беззащитные — дети, женщины и старики, ибо мужчины в трудоспособном возрасте должны были быть доставлены в трудовой лагерь. Зачитав выстроившимся перед ним солдатам приказ командования, командир батальона неожиданно предложил им добровольно принять решение — участвовать / не участвовать в расстреле мирных жителей. Шаг вперёд вначале сделал лишь один, отказавшийся принять участие в бойне, солдат. Через некоторое время, убедившись в том, что смельчак не наказан, вперёд выступили ещё 10 человек. Однако подавляющее большинство солдат, состоящего из 500 человек батальона, осталось стоять в строю, пишет в своей книге «Тонкий слой человечности» французский философ *Мишель Терещенко (Michel Terestchenko)*¹⁴, который задаётся вопросом, почему лишь немногие, получившие возможность выбора, немецких солдат отказались от участия в этом страшном преступлении?

Одним из решающих мотивов, который заставил солдат принять участие в этом преступлении, уверен *Терещенко*, был принцип «групповой» или «коллективной» солидарности. Именно чувство ложной солидарности, за которым скрывался эгоистичный страх прослыть в глазах своих сослуживцев «слабаком» или «трусом», заставило солдат пойти на это страшное преступление. «Забота о собственной репутации оказалась для солдат важнее, чем чувство общечеловеческой солидарности с жертвами»¹⁵, констатирует *Терещенко*.

Но была, однако, и ещё одна причина, которая сделала возможным это преступление и которая носила не индиви-

¹⁴ Terestchenko, Michel. Der dünne Putz Menschlichkeit. Banalität des Bösen, Banalität des Guten. Matthes & Seitz Berlin, 2012.

¹⁵ Terestchenko, Michel. Der dünne Putz Menschlichkeit. S. 63. Терещенко цитирует в этом случае Christopher Browning, на книгу которого он постоянно ссылается (нем. Christopher R. Browning: Ganz normale Männer. Das Reserve-Polizei-Bataillon 101 und die „Endlösung“ in Polen. Rowohlt Taschenbuch Verlag, Reinbek bei Hamburg, 2009).

дуальный, а общественный характер. К 1942 году еврейское меньшинство было уже давно исключено из немецкого сообщества, потому что «в глазах немецких солдат их жертвы находились вне круга людей, к которому они должны были проявлять человеческие обязанности и человеческую ответственность»¹⁶, пишет *Терещенко*. Поворотным пунктом в процессе исключения евреев из немецкого сообщества стали, без всякого сомнения, «Нюрнбергские законы» 1935 года, которые закрепили юридически исключение этой группы из сообщества. Эти законы содержали в себе скандальные расовые понятия: «artfremd» («враждебный вид людей»), «Rassenschande» («расовый позор»), «Schädigung des Volkskörpers» («заражение народного тела»), «rasische Säuberung» («расовая чистка»), «jüdisches Blut» («еврейская кровь»), «Rassenreinheit» (расовая чистота). Все эти расистские выражения и понятия образовали основу языка национал-социализма. Однако, как это ни парадоксально звучит, суждение Гитлера о том, что «евреи стремятся загрязнить немецкую кровь», в то время не представляло собой ничего нового, считает английский историк *Нил Фергюсон (Niall Ferguson)*, ибо подобные мнения открыто высказывались в расистских теориях XIX столетия, где речь шла о сохранении «чистоты расовой крови»¹⁷.

В XIX веке курсировали не только расистские теории, но в этом столетии своё теоретическое обоснование нашла концепция классовой борьбы *Карла Маркса*. Именно она позволила большевикам теоретически легитимировать свои преступные действия. Мы, разумеется, не можем во всех грехах большевизма обвинять одного только *Маркса*, который, как известно, не употреблял понятия «враг народа», но который говорил о «классовой борьбе» и об «угнетённых классах». Однако мы должны признать тот неоспоримый факт, что большевистское понятие «враг народа» неразделимо связано с открытой *Марксом* теорией классовой борьбы, вне которой оно в теоретическом отношении осталось бы необоснованным.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ferguson, Niall. Krieg der Welt. Was ging schief im 20. Jahrhundert. Berlin 2006. S. 34.

XIX столетие дало толчок расцвету не только марксистских, но и националистических теорий. Это столетие было столетием интенсивного формирования национальных движений и национального самосознания, которое изначально стало проявлять себя также в агрессивных формах, примером чего являются события в Османской империи, где национальная проблема назревала в течение всего XIX столетия. Своё отражение эта проблема получила в т. н. «армянском вопросе», который привёл к небывалой вспышке насилия¹⁸.

В исторической литературе XIX столетие часто характеризуется как столетие небывалого технического прогресса, глубокой секуляризации и широкой демократизации общества. Однако это столетие было также столетием агрессивного национализма, столетием рождения как расистских, так и революционных теорий, которые несли в себе мощную разрушительную силу. Идейные предпосылки крупнейших катастроф XX столетия лежат, без всякого сомнения, в предшествующем ему XIX столетии. К нему мы и обратимся.

Об истоках трагедий XX столетия

Начало ряду трагичных событий XX столетия положила армянская трагедия, которая была прямым следствием протекающих в Османской империи внутренних процессов. Надо сказать, что армянское меньшинство издревле являлось частью мульти-религиозной и многонациональной Османской империи. В процессе растущего национального самосознания, который охватил не только турецкий, но и армянский народ, наиболее активная часть проживающего в Турции армянского меньшинства в конце XIX столетия стала активно стремиться как к культурной, так и национальной независимости. Это стремление стало восприниматься находящимся в глубоком кризисе турецким обществом как реальная угроза его существованию. Особую тревогу сепаратистские стремления армян вызвали у турецких националистов, которые пришли к убеждению, что необходимо «очистить» национальную территорию от «враждебных элементов». Первая

¹⁸ Hosfeld, Rolf (Hg.) / Pschichholz, Christin (Hg.). Das Deutsche Reich und der Völkermord an den Armeniern. Göttingen 2017. S. 7.

крупная вспышка насилия против армянского меньшинства произошла уже в конце XIX столетия, когда в 1894–1896 гг. от рук турецких националистов погибли сотни тысяч армян. Однако организованные формы процесс уничтожения армян принял с приходом к власти младотурков. Массовое уничтожение армян, и в этом мнении большинство европейских историков едины, был «внутриполитическим проектом младотурок»¹⁹, которые стремились к созданию, как в религиозном, так и в национальном отношении, гомогенного государства. В жертву этому «проекту» были принесены фундаментальные нравственные принципы. Но это было, к сожалению, не первое и не последнее поражение этических принципов в человеческой истории. Спустя несколько лет, они были низвергнуты организаторами «красного террора» в Советской России, которые поставили перед собой цель очищения страны от «классово враждебных элементов». Этой акции предшествовало представление о том, что общество в ходе своего развития неизбежно раскололось на «угнетаемые» и «господствующие классы». Последние в ходе Гражданской войны приобрели статус «врагов трудового народа». Но понятия «трудовой народ» / «нетрудовой народ» являлись несколько упрощённым вариантом используемых Марксом категорий «господствующие классы» и «угнетённые классы». Маркс, однако, использовал свои категории исключительно в теоретических целях. Большевики же применили их практически. «Красный террор» в Крыму 1921–1922 гг. был обоснован с помощью марксистских категорий. Идеология большевизма привела к глубокому расколу российского народа. Спустя лишь год после прихода к власти большевиков Святейший патриарх Тихон пишет в своём послании Совету народных комиссаров: «Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду...»²⁰.

¹⁹ Hosfeld, Rolf (Hg.) / Pschichholz, Christin (Hg.). Das Deutsche Reich und der Völkermord an den Armeniern. S. 12.

²⁰ Святейший Патриарх Тихон. Послание Совету народных комиссаров. По поводу годовщины советской власти (Москва, 1918). URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=news&id=122096>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Поздравления юбиляру	5
К юбилею Виктора Леонидовича Малькова <i>Головин В.Я.</i>	6
Введение	7
Глава 1 «Свой», «Другой», «Чужой» в фокусе социальных конфликтов <i>Буллер Андреас</i>	23
Глава 2 Дискуссионные проблемы в изучении кросс-культурной коммуникации <i>Лабутина Т.Л.</i>	42
Глава 3 Пределы Русской земли (России) по европейским свидетельствам X– XV веков: сравнительный анализ <i>Антонов В. А.</i>	65
Глава 4 Царство Севера: Россия/Русь на картах мира первой половины и середины XV в.	85
<i>Кудрявцев О.Ф.</i>	
Глава 5 Исповедальная практика как форма проявления различных стилей мышления на Западе (Франция) и на Руси в XIV–XV вв. (исторический подход) <i>Кузьмина М.В.</i>	93

Глава 6

Санкт-Петербург в правление императрицы
Анны Иоанновны глазами британцев

Ковалев М.А. 120

Глава 7

Европа и Россия: диалог культур на территории
масонской ложи

Киясов С. Е. 133

Глава 8

Ничего этого не было в нашем краю».

Британские образы в творчестве И.А. Гончарова
как антитеза русскому восприятию мира
(1840–1860-е гг.)

Орлов А.А. 152

Глава 9

«Франция при Людовике – Наполеоне»
в оценке Н.Г.Чернышевского

Аванесян В.М. 179

Глава 10

Великобритания и Россия: Особенности
дипломатической риторики накануне
Крымской войны

Жолудов М.В. 198

Глава 11

Англичанин и русский среди иранцев: *modus
operandi* глазами российского наблюдателя

Ларин А.Б. 211

Глава 12

Война за независимость на Кубе (1868–1878)
и испано-американские отношения
в освещении российской дипломатии

Ивкина Л.А. 237

Глава 13

Образ России в политической риторике
британских парламентариев в период
Восточного кризиса 70-х годов XIX века

Гелла Т.Н. 256

Глава 14

«Царь-миротворец» и «отец народа»:
образ Николая II на страницах британской
прессы в конце XIX – начале XX вв.

Галкина О.И. 275

Глава 15

Революции в России в оценках аргентинских
дипломатов

Казаков В.П. 297

Глава 16

Союзники и враги: образы англичан и немцев
в восприятии российского общества в годы
Первой мировой войны

Чикалова И.Р. 316

Глава 17

Восприятие британцами руководителей
большевистской России 1918–1920 гг.
(по материалам британских спецслужб
и Форин офис)

Сергеев Е.Ю. 342

Глава 18

Россия начала 1920-х гг. в оценке Фритьофа Нансена

Соколов А.С. 357

Глава 19

Эволюция образа союзника: 1914–1945 гг.

Голубев А.В. 365

Глава 20

Послевоенный Советский Союз глазами
британских дипломатов

Портнягин Д. И., Портнягина Н. А. 385

Глава 21

«Одиночество» России: «свои» и «чужие»
в славянском мире

Петелин Б.В. 404

Глава 22

«Свой» / «Чужой» в автобиографической памяти
русских немцев: опыт нетипичной биографии

Линченко А.А. 419

Глава 23

Современные взаимные представления немцев,
французов и россиян друг о друге (на примере
анализа тестовых рисунков)

Адриен Гуге 438

Сведения об авторах 451